

Антицерковная кампания в начале 1960-х гг. в Чувашии

Андрей Берман

Anti-church campaign in the early 1960s in Chuvashia

Andrew Berman

(Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia)

DOI 10.31857/S086956870010148-3

Государственно-церковные отношения советского времени продолжают привлекать внимание исследователей, которые всё чаще освещают их региональные аспекты. В частности, о том, как они складывались в Волго-Вятском регионе, говорится в работах протоиерея А.Г. Балыбердина, А.И. Белкина, Р.Р. Ибрагимова, А.В. Маланкина, А.Ф. Степанова и др.¹ В последние годы практически исчерпывающе раскрыты обстоятельства отделения Церкви от государства после революции и изъятия церковных ценностей в Чувашии, детально проанализирована внутрицерковная ситуация в крае в 1920-х гг.² Однако послевоенная история православия в автономной республике остаётся малоизученной. Так, рассмотрены лишь отдельные эпизоды мероприятий, проводившихся в ходе «хрущёвских гонений»³. Между тем они хорошо отразились в документах, хранящихся в фондах уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) в Чувашской АССР⁴ и местного обкома КПСС⁵, а также в материалах чебоксарского Введенского собора начала 1960-х гг., переданных автору бывшим казначеем собора И.Ф. Фёдоровой.

© 2020 г. А.Г. Берман

¹ Балыбердин А.Г. Государственно-церковные отношения в 1958—1964 гг.: по материалам Кировской области. Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2004; Белкин А.И. Некоторые особенности государственно-церковных отношений в 1953—1964 гг.: региональный аспект // Регионология. 2014. № 1. С. 128—138; Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в Татарстане в 1940—1980-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; Маланкин А.В. Русская православная церковь на территории Мордовии в XX — начале XXI века. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017; Степанов А.Ф. Казанская епархия в годы хрущёвских гонений на религию и церковь (по документам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР) // После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории. Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15—17 октября 2015 г. М., 2016. С. 459—468.

² Козлов Ф.Н. Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х — 1920-е годы. Чебоксары, 2014; Козлов Ф.Н. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви (по материалам Марийского края, Мордовии и Чувашии). Чебоксары, 2015.

³ Берман А.Г. Мелочи приходской жизни (несколько эпизодов внутренней жизни Введенского кафедрального собора г. Чебоксар в 60-х гг. XX в.) // Сборник научных трудов кафедры гуманитарных дисциплин Волжского филиала МАДИ. Вып. 3. Чебоксары, 2012. С. 13—26; Берман А.Г. «Перестройка церковного управления»: эпизод из истории государственно-церковных отношений в начале 1960-х годов в Чувашии // Православие в Чувашском крае: история и современность. К 70-летию Чебоксарско-Чувашской епархии. Материалы региональной научно-практической конференции, 19—20 мая 2016 г. Чебоксары, 2016. С. 37—46; Подмарицын А.Г. Антицерковная кампания в Чебоксарско-Чувашской епархии рубежа 50—60-х гг. XX века (На примере незаконного обложения налогами архиепископа Мануила (Лемешевского)) // Социум и власть. 2014. № 5. С. 96—100.

⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее — ГИА ЧР), ф. 1857.

⁵ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (далее — ГАСИ ЧР), ф. 1, оп. 28, д. 9.

В конце 1950-х гг. начался новый виток давления на Церковь со стороны советского государства, обусловленный целым рядом идеологических, политических, экономических и субъективных факторов. На внеочередном XXI съезде КПСС, созванном в конце января — начале февраля 1959 г. для утверждения семилетнего плана социально-экономического развития СССР, Н.С. Хрущёв заявил об окончательной победе социализма в стране и необходимости перехода к форсированному строительству коммунизма. Это подразумевало и активизацию идеологической борьбы с «пережитками» капитализма⁶. Ещё ранее развернулось наступление на промысловые артели и кустарей, производивших значительную часть товаров народного потребления и зарабатывавших больше, чем сотрудники государственных предприятий⁷. Тогда же была практически запрещена частная торговля, массово ликвидировались приусадебные участки. В 1956 г. вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О реорганизации промысловой кооперации», и к 1960 г. кооперативная промышленность оказалась национализирована. При этом только в 1956—1957 гг. государство изъяло в свою пользу у кооператоров почти 12 млрд руб.⁸ III Программа КПСС, утверждённая XXII съездом партии в октябре 1961 гг., провозглашала, что к 1980 г. «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». Для религии места в нём не предусматривалось⁹.

Между тем к началу 1960-х гг. Русская Православная Церковь представляла собой довольно серьёзную, в экономическом отношении, силу. К 1 января 1957 г. в СССР насчитывалось 13 478 зарегистрированных православных храмов, а численность духовенства составляла 12 288 человек. Денежные доходы церковных структур с 1948 по 1957 г. возросли в 3,7 раза и составили 667 млн руб.¹⁰ На протяжении 1940—1950-х гг. уполномоченные постоянно отмечали рост доходов и потребления священнослужителей (покупку ими домов, автомобилей, поездки на курорты и т.д.). Даже патриарх Алексий I в своих циркулярах 1954 и 1959 гг. обращал внимание на эти факты. Так, 1 января 1954 г. он цитировал письмо одного из архиереев: «Приходится сознаться, что духовенство является предметом осуждения и со стороны внешнего его обихода: нарождается-де новый класс капиталистов»¹¹. Случалось, что в своих приходах настоятели, располагавшие неучтённой наличностью, давали деньги в долг колхозам, выражали готовность за собственный счёт благоустроить территорию, а иногда, напротив, использовали возможности представителей колхозных администраций. Так, заместитель председателя колхоза «Авангард» Урмарского района Чувашской АССР получил из кассы церкви с. Шоркистры наличными 15 тыс. руб. и на колхозном транспорте привёз в храм большую железную цистерну для воды, которую приобрёл якобы на нужды колхозников. Оставшиеся после этой по-

⁶ Материалы XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 97—98, 144.

⁷ Андриухин Е.А. Предпринимательская деятельность советских граждан в 60—80-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4—1(68). С. 19—21.

⁸ Пасс А.А., Рыжий П.А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 118—119.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза // КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 10. М., 1986. С. 170.

¹⁰ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах). М., 1999. С. 357.

¹¹ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 68, л. 24.

купки 5 тыс. руб. он присвоил под видом накладных расходов¹². В 1947 г. озабоченность Совета по делам РПЦ вызвало то, что на нескольких ходатайствах об открытии церквей в Чувашии стояли подписи председателей сельсоветов и колхозов, которые не только заверяли документ, но и поддерживали просьбу верующих¹³. Следует также отметить и тесные хозяйственные связи между церковными структурами и кооперативным сектором: главным образом, именно артели и частники удовлетворяли их повседневные нужды (ремонт зданий, монтаж систем отопления и т.д.). Кроме того, РПЦ иногда приходилось создавать предприятия на артельной основе для изготовления необходимой утвари, облачений и проч. Не случайно «хрущёвские гонения» на Церковь разворачивались в условиях «наступления на артели», характерного для конца 1950-х — начала 1960-х гг.

Старт новому витку антирелигиозной кампании дало принятое 24 октября 1958 г. секретное постановление ЦК КПСС «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». Авторов этой записки беспокоило усиление миссионерской деятельности и благотворительности клириков, участие некоторых руководящих партийных и комсомольских работников в совершении обрядов, а также то, что «в результате повышения доходов руководство православной церкви и религиозных культов сумело создать для духовенства хорошие материальные условия»¹⁴.

В феврале 1960 г. председателем Совета по делам РПЦ был назначен В.А. Куроедов. 21 апреля он выступил на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета с программным докладом «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». Основное внимание уделялось в нём отступлению от норм, запрещавших Церкви владеть собственностью. Упоминалась при этом и Чувашия: «В Чувашской АССР в селе Первое Чурашево бывший настоятель церкви Шемяков систематически использовал в качестве алтарников учеников 7 и 9 классов. Будучи снят за это с регистрации, Шемяков собрал 5 человек ребят и увлёк их на паломничество в Почаевскую лавру. При этом деньги на расходы, связанные с паломничеством, были выданы епархиальным управлением». Глава Чебоксарско-Чувашской епархии, епископ Мануил (Лемешевский), обвинялся также в систематическом оказании помощи бедным приходам¹⁵.

16 марта 1961 г. Совет министров СССР принял постановление, в котором указывалось на «необходимость восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культах». Тогда же была разработана новая

¹² ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 51.

¹³ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 49, л. 39.

¹⁴ Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» // Сайт Российского объединения исследователей религии (URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>. Дата обращения: 09.12.2017).

¹⁵ Одинцов М.И. Проявлять бдительность, своевременно пресекать антисоветские выпады духовенства. Доклад председателя Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных. 1960 г. // Сайт Российского объединения исследователей религии. (URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-118/>. Дата обращения: 09.12.2017).

«Инструкция по применению законодательства о культах»¹⁶. Затем Совет по делам РПЦ «рекомендовал» патриарху Алексию I пересмотреть отдельные пункты «Положения об управлении Русской Православной Церковью» 1945 г., отстранить духовенство от забот об экономике прихода и предоставить их церковному совету. 18 апреля Священный Синод одобрил соответствующие поправки, а 18 июля их утвердил Архиерейский собор¹⁷.

На местах новый курс осуществляли уполномоченные Совета по делам РПЦ. В Чувашии уполномоченным Совета по делам РПЦ и одновременно уполномоченного Совета по делам религиозных культов с 1958 г. являлся Яков Георгиевич Маклашкин. Он родился в 1906 г., ранее возглавлял исполком Мариинско-Посадского райсовета, в 1947—1951 гг. избирался депутатом Верховного Совета Чувашской АССР. С энергичным архиепископом Мануилом (Лемешевским) отношения у Маклашкина не сложились, и вскоре он добился перевода владыки из республики. По словам старшего инспектора Совета по делам РПЦ А. Недведа, приезжавшего в Чебоксары для прояснения ситуации, «архиепископ Мануил сделал злобный выпад против уполномоченного Совета тов. Маклашкина. Он на приёме в присутствии уполномоченного и т. Недведь сказал следующее: “Маклашкин, будучи комсомольцем, а затем председателем райисполкома в Мордовии закрывал и разрушал православные церкви, а теперь его назначили уполномоченным Совета по делам Русской православной церкви, что можно ожидать от такого уполномоченного”»¹⁸.

12 апреля 1960 г. управляющим Чебоксарско-Чувашской епархии стал бывший настоятель кафедрального собора Полтавы архимандрит Николай (Феодосьев), возведённый в сан епископа. Судя по характеристике, данной ему уполномоченным, это был ревностный архипастырь: «Свою деятельность в этой должности епископ Николай начал с усиления своей позиции в епархии, путём замены малоинициативных, неугодных ему служителей культа энергичными, фанатично преданными людьми, преимущественно выпускниками духовных академий и семинарий. Проводя эту линию, за непродолжительный срок своего пребывания он сместил с должности 9 священников и заменил их людьми, удобными себе, из которых двое имеют высшее духовное образование, окончили духовную академию, а двое — среднее. Установил им путём незаконного вмешательства в дела исполнительных органов религиозных объединений явно завышенные зарплаты от 200 до 450 рублей каждому в месяц и этим обеспечил укрепление церкви кадрами из нужных ему людей. Путём ведения среди населения скрытой миссионерского характера деятельности, епископ Николай усиленно добивается увеличения в республике количества действующих церквей и духовенства. Ведёт подстрекательскую работу среди верующих по возобновлению деятельности закрытых церквей. Оказывает моральную, материальную поддержку разным лицам и кликушествующим элементам в сборе подписей и организации подачи жалоб по поводу открытия церкви. Искусственно поддер-

¹⁶ Законодательство о религиозных культах. М., 1969. С. 136—147.

¹⁷ Подробнее см.: Русская Православная Церковь в советское время (1917—1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Сост. Г. Штриккер. Кн. 2. М., 1995.

¹⁸ Подмарицын А.Г. «Благоговее, трудолюбив и миролюбив...». Документальный портрет митрополита Мануила (Виктора Викторовича Лемешевского) // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электронный сборник. Вып. 1. Ч. 1. Самара, 2013 (URL: http://sbornik.libsmr.ru/content/files/catalog1/sb20rus_011_2.pdf). Дата обращения: 30.03.2019).

живает маломощные и затухающие общины путём оказания прямой финансовой помощи из средств епархиального управления»¹⁹.

Уполномоченному не нравилась независимость преосвященного Николая, стремившегося сохранить позиции Церкви. В Москву сообщалось, что владыка «к мероприятиям, связанным с выполнением постановления Совета министров от 16 марта 1961 года, относится крайне реакционно», а «Постановление собора епископов об изменениях, внесённых в “Положение об управлении русской православной церкви” сознательно не популяризирует». Более того, «ведёт открытую линию, направленную на выкачивание средств верующих, распространяя слухи, что без денег нечем будет содержать церковь». Вывод уполномоченного звучал категорично: «Имея ввиду его реакционное влияние на население и нежелательное отношение к соблюдению советских законов, относящихся к религии и церкви, считаю невозможным дальнейшее пребывание епископа Николая в должности управляющего Чебоксарско-Чувашской епархии»²⁰.

Тем временем по указанию Совета по делам РПЦ Маклашкин разработал план мероприятий, направленных на реализацию правительственных решений. Текст принятого 16 марта 1961 г. постановления был размножен и доведён до исполкомов районных и городских советов. Состоялся семинар, на котором подробно разъяснялись задачи местных советов. В районах с наибольшим количеством действующих церквей (Алатырский, Порецкий, Мариинско-Посадский, Чебоксарский) проводился особый инструктаж ответственных работников²¹.

В соответствии с указаниями из центра Совет министров автономии в августе 1961 г. подготовил «Положение о группах содействия по наблюдению и контролю за деятельностью религиозных обществ и духовенства при исполкомах городских и районных советов депутатов, трудящихся Чувашской АССР». На эти группы уполномоченный должен был опираться в своей повседневной работе. Фактически они становились его «оком» на местах. Их создавали при всех местных советах из 9—15 депутатов, работников культурно-просветительских и образовательных учреждений, членов колхозных правлений, пропагандистов-атеистов, пенсионеров и местного актива. Им поручалось систематически наблюдать за религиозной обстановкой в своём населённом пункте, выяснять, кто посещает храмы и как часто совершаются обряды, «изучать методы и приёмы, к которым прибегают служители культа для расширения или сохранения своего влияния на отсталую часть населения и молодёжь», выявлять, кого из молодых людей священнослужители пытались подготовить к поступлению в семинарию или научить уставу церковной службы, раскрывать способы увеличения приходских доходов, «оказывать помощь финансовым органам в выявлении действительных доходов служителей культа в целях правильного и полного их обложения подоходным налогом». Данные группы никакими административными правами не наделялись, но могли сильно осложнить жизнь приходам²².

После получения «Инструкции по применению законодательства о культах» началось отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности. 4 мая, по договорённости с епископом, в канцелярию уполномо-

¹⁹ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 87, л. 90—91.

²⁰ Там же, л. 92—93.

²¹ Там же, л. 80—81.

²² Там же, л. 142—145.

ченного пригласили благочинных всех округов для ознакомления с изданным 18 апреля постановлением Синода. На совещании владыка Николай был вынужден дать настоятелям указание передать в распоряжение исполнительных органов приходов все дела, относящиеся к их экономическому положению. В мае—июне старых членов «двадцаток» заменили новыми, более лояльными власти (всего за эти месяцы из исполнительных органов и ревизионных комиссий вывели 98 человек в 34 приходах). Двух священников сняли с регистрации, штаты церквей сократили на 17 человек, епархиальное управление лишилось троих иподиаконов, архиерейского келейника, ревизора, завхоза и повара²³.

Особое внимание Маклашкин уделял ограничению церковных доходов. В приходских кассах зачастую оказывалось значительно больше средств, чем указывалось в официальных отчётах, что позволяло делать единовременные выплаты работникам храма, уходя от высоких налогов, которыми облагались «служители культа». Маклашкин добился прекращения такой практики и обложения приходских певчих подоходным налогом по ставкам, предусмотренным для некооперированных кустарей. В ряде мест (Гришино, Хормалы, Луцкое, Выползово, Никулино, Гарт, Батеево, Мусирмы, Карамышево, Ново-Ишино) это привело к развалу любительских хоров. Кроме того, уполномоченный через доверенных лиц, введённых в приходские советы, добился снижения цен на требы и просфоры. В результате в сёлах Сыреси и Никулино Порецкого района церкви пришлось закрыть из-за отсутствия средств, необходимых для их содержания²⁴.

При этом власти старались взять под контроль не только денежные доходы духовенства, но и любые пожертвования, поступавшие от прихожан. 11 сентября 1961 г. Министерство финансов Чувашской АССР выпустило циркуляр «Об улучшении работы по выявлению доходов служителей религиозного культа и других лиц, работающих в органах религиозных обществ». В нём отмечалось, что при начислении налогов «совершенно не учитываются приношения верующих за совершение религиозных [обрядов] в дни больших церковных праздников таких продуктов, как яйца, сахар, мука, вино. Имеются факты, когда в отдельных церквях служителям культа на пасху кроме продуктов верующие приносили живую птицу, однако эти доходы финансовыми органами не учитываются. В ряде случаев не учитываются доходы служителей культов от перепродажи свечей, полученных от верующих при совершении обрядов (исповеди, молебны и т.п.). Продавцы свечей систематически утаивают часть выручки от продажи свечей. Один килограмм свечей условно принимается за 350 шт. свечей, тогда как в одном килограмме их насчитывается до 400 и более свечей. Вырученные деньги от продажи свечей сверх 350 шт. в каждом килограмме остаются у продавца свечей». Впредь городским и районным финотделам следовало «обеспечить точное соблюдение указаний Министерства финансов СССР от 25 апреля 1961 г. № 166 “О порядке обложения налогами служителей религиозных культов и других лиц, получающих доходы от религиозных объединений”. Регулярно обследовать доходы служителей религиозных культов в дни церковных праздников и будничные дни. При обследованиях и налоговом обложении служителей религиозного культа учесть указания, даваемые в на-

²³ Там же, л. 82; ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48.

²⁴ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48—49.

стоящем письме. В целях полного выявления доходов от продажи свечей провести контрольные пересчёты количества свечей в одном килограмме»²⁵.

По новым правилам приходские суммы, которые до того хранились в сберкассах, требовалось сдавать в Государственный банк (как это делали все прочие юридические лица). Опасаясь остаться без наличности, а то и вовсе без денежных средств, общины шли на разного рода уловки: делали на счёт в Госбанке небольшие отчисления, а основной капитал хранили на счетах доверенных лиц в сберкассе. Например, община церкви с. Мусирмы на текущем счёте в Госбанке имела 400 руб., а на имя казначея А. Павловой разместила в сберкассе вклад в 27 тыс. руб. Проверки показали, что подобная практика носила массовый характер и негласно поддерживалась правящим архиереем. Однако «доверенные лица» могли и присвоить деньги, как случилось в с. Штанаши Красночетайского района. Община местной церкви никакого текущего счёта не имела, а свои доходы незаконно хранила в сберкассе как вклад гражданина Алексева, не имевшего постоянного места жительства и определённых занятий и не желавшего, несмотря на категорические требования членов «двадцатки» и епархиального управления, ничего возвращать²⁶.

В 1962 г. уполномоченному удалось навязать приходам новую систему оплаты труда священнослужителей. Маклашкин рассчитывал, что «при установлении твёрдого оклада на зарплату не будет особого рвения гнаться за увеличением количества обрядов». В своём отчёте он рапортовал: «Ликвидирована ранее существующая порочная система содержания служителей культа на доходах, получаемых от исправления треб. Одновременно с проведением работы по отстранению духовенства от руководства финансово-хозяйственной деятельностью в религиозных организациях с помощью местных органов власти была начата работа по переводу служителей культа с доходов на твёрдый оклад, устанавливаемый по усмотрению исполнительных органов общин. В данное время все служители культа наравне с работниками обслуживающего персонала церкви состоят на твёрдом окладе. Размеры получаемых ими окладов колеблются от 110 руб. до 350 руб. Максимальные оклады по 300 руб. получают служители культа городских мест. В сельской местности 9 человек получают по 250 руб., 13 человек — по 200 руб., 10 человек — по 150 руб. и 2 человека — по 110 руб. в месяц»²⁷.

Средняя заработная плата в СССР в 1962 г. составляла примерно 81 руб. в месяц²⁸, и, на первый взгляд, установленный оклад позволял сохранять потребление на уровне квалифицированного работника государственного предприятия. Однако священники облагались подоходным налогом по норме, установленной для некооперированных кустарей, т.е. по максимальной ставке. Тем не менее, часть духовенства, особенно в малочисленных сельских приходах, встретила нововведение без ропота, некоторые священники даже открыто говорили о том, что теперь будут жить гораздо спокойнее. Например, настоятель церкви с. Акулево Чебоксарского района заявлял: «Нечего себя нагружать кре-

²⁵ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 92, л. 223—224.

²⁶ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 45.

²⁷ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 99, л. 10—11.

²⁸ Таблица среднемесячной заработной платы в стране для конвертации пенсионных прав в расчётный пенсионный капитал (Сайт Отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Чувашской Республике. URL: <http://gov.cap.ru/home/60/sites/upfr/ocenkan/zarplata/szp.htm?page=>. Дата обращения: 30.03.2019).

стинами в будни, мы установили у себя такой порядок, чтобы крестить детей привозили только в воскресные и праздничные дни. Отслужил в неделю один день, дальше ты уже свободный». Священник церкви с. Перво-Чурашево Цивильского района на замечание старосты о сокращении дохода от треб отвечал: «За мои дополнительные заботы у меня жалование не прибавится, хватит Вам пока денег на содержание церкви и священника, больше нам их не нужно, всё равно попросят на пополнение Фонда мира»²⁹. Однако в многолюдных приходах, где духовенство на буднях целый день могло быть занято требами, переход на твёрдый оклад означал существенное снижение личных доходов. Например, священники церкви города Канаша в 1962 г. дважды возвращались к прежней системе вознаграждения за требы, хотя ставку им установили весьма солидную — по 300 руб. в месяц. При этом они пытались оказывать давление на приходской совет, угрожая совместно покинуть свой пост, что могло привести к закрытию храма³⁰.

Отрицательно сказывалась на церковных финансах и навязанная приходам Советом по делам РПЦ в 1962 г. система квитанционного учёта религиозных обрядов. Для оплаты совершения крещений, венчаний и отпеваний вводились квитанции установленного образца. В них указывались фамилия, имя и отчество лица, вносившего деньги, его адрес, вид обряда, сумма. В особую книгу учёта записывались серия и номер соответствующего акта гражданского состояния (свидетельства о рождении, браке или смерти), отмечалось, кем этот документ выдан. При крещении указывались отец и мать ребенка по свидетельству о рождении и паспортам. Оформление документов производилось в присутствии обоих родителей³¹. Такая система, снижала количество открыто совершаемых обрядов, поскольку записи о них регулярно просматривались служащими исполкомов и сообщались по месту работы родителей крещёного ребенка, что сулило им разного рода неприятности.

Духовенство и приходы пытались противодействовать квитанционной системе. Прежде всего они старались скрыть от контроля имена тех лиц, которые занимали какое-либо общественное положение и в то же время соблюдали религиозные обряды. Например, счетовод Кушниковской церкви Чебоксарского района при крещении ребёнка члена партии записала в квитанции его отцом совершенно постороннего жителя города Марпосада, у которого вообще не было детей. Казначей чебоксарского Введенского собора И.Ф. Фёдоров по договорённости со священниками оформляла денежные квитанции на выдуманные фамилии без указания имени, отчества и адреса плательщика. А техника того же собора по совету епископа направила от имени верующих телеграмму председателю Совета по делам РПЦ Куроедову о незаконных действиях уполномоченного. Владыка командировал в патриархию и Совет секретаря епархиального управления И.М. Сretenского, который пытался доказать, что требования Маклашкина вынуждают священнослужителей нарушать церковные каноны о таинстве крещения, и добивался отмены квитанционного учёта, но поддержки в Москве не получил³².

²⁹ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 99, л. 10—11.

³⁰ Там же, л. 11—12.

³¹ Там же, л. 13.

³² Там же, л. 14—15.

Особое давление чувашский уполномоченный оказывал на общину главного храма епархии — Введенского кафедрального собора. По-видимому, Маклашкин хотел полностью ликвидировать очаг «религиозного мракобесия» в столице республики. В конце октября 1960 г. при его участии Министерство культуры Чувашской АССР провело проверку использования этого памятника истории и архитектуры, выявив ряд несанкционированных переделок внутри здания (свечную мастерскую переоборудовали под крестильню, расширили хоры, провели водопровод, установили титан, печное отопление заменили на паровое). Комиссия сочла, что эти факты свидетельствуют «о явном игнорировании законов Советского государства, направленных на сохранение памятников истории культуры и зодчества советской страны, и приводят к уничтожению памятников»³³. Министерство предписало общине привести все помещения в прежний вид до 1 февраля 1961 г., угрожая в случае неисполнения «применить санкции, предусмотренные договором»³⁴.

В состав «двадцатки» собора Маклашкин старался включить специально подобранных им людей. Для этого он блокировал свободное проведение приходского собрания и отказывался регистрировать неугодных ему членов «двадцатки», объявлял «незаконными» составленные прихожанами протоколы. Епископ, напротив, желал, чтобы представителями общины выступали лишь глубоко верующие христиане. Кандидатов в члены приходского совета он расспрашивал о том, «почему редко посещает церковь, состоял ли в партии, почему допускает выступления против духовенства». Это очень не нравилось Маклашкину³⁵.

В результате владыке Николаю пришлось обратиться к патриарху с жалобой на уполномоченного: «Настоящим имею долг сообщить Вашему Святейшеству, что за последние месяцы положение Чебоксарского кафедрального собора создалось критическое. Дело в том, что Чебоксарский Горисполком в лице зам[естителя] председателя Ягодкиной А.С., при полном единодушии местного уполномоченного по делам РПЦ Маклашкина Я.Г. установил следующий порядок организации и оформления списка 20-ки. Для того, чтобы стать членом 20-ки, желающий подаёт заявление о том в Горисполком, подписывается в договоре о передаче храма и культимущества общине. В Горисполкоме в заявлении делают пометку “согласовано”. Этим оформление вступления в члены 20-ки заканчивается. Ни церковный совет, ни собрание 20-ки не имеют права даже обсуждать о пригодности заявителя быть членом 20-ки. Такое положение представляет Горисполкому полную возможность ввести в состав 20-ки лиц с явной целью их разлагательной деятельности. Ссылаясь на § 14 положения о Церкви, которым “регистрирующим органам предоставляется право отвода из состава членов исполнительного органа религиозного общества или группы верующих отдельных лиц”, Горисполком и уполномоченный безгранично широко пользуются этим правом и отводят почему-либо неугодных лиц не только из состава исполнительного органа (церк[овного] совета), но и из ревкомиссии. При этом никаких объяснений причин отвода не сообщают. Такая система комплектования 20-ки имеет первостепенное значение. Мало того, что она не вяжется с принципом демократичности, но она подрывает

³³ Там же, д. 92, л. 28.

³⁴ Там же, л. 27.

³⁵ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 44.

самую основу официального существования церковной общины... Невольно является опасение, что такая система может привести к разложению церковной общины. Кроме того, искусственно создаётся и множество других претензий, связанных с произведённой реставрацией живописи, с улучшением внутреннего состояния храма (частичное водяное отопление, укрепление хоров, благоустройство прилегающего переулка: посадка деревьев, цветов, устройство скамеек и проч.). Всё это ими рассматривается как нарушение законности. При такой явно тенденциозной тактике в отношении к церкви со стороны местных властей я бессилён в борьбе за соблюдение законности к церкви и нуждаюсь в самой действенной помощи со стороны Патриархии»³⁶.

Маклашкину и тем, кто его поддерживал в горисполкоме, всё же удалось провести в «двадчатку» нужных им людей. Однако, как вскоре выяснилось, это не дало ожидаемого результата. В отчёте за 1962 г. уполномоченный признал, что «исполнительный орган Чебоксарского Введенского собора в составе его председателя Долгова Ф.Я. и членов Колесниковой З.М. и Филипповой С.В. зарегистрированный по рекомендации исполкома Чебоксарского горсовета, оказался явно неподходящим для проведения мероприятий, вытекающих из современной обстановки». Как утверждал Маклашкин, «в стремлении создать вокруг себя и церкви определённое ядро из круга своих лиц, Долгов Ф.Я. усиленно добивается включения своих приближённых в состав “двадчатки”, одновременно вытесняя оттуда неугодных ему лиц. В первое время открыто игнорировал установление квитанционной системы учёта религиозных обрядов. Сочиняя всевозможные жалобы путём измышления неправдоподобных фактов на работников органов власти, отказывался прислушиваться к их рекомендации. Всячески уклонялся от оформления денежных документов на крещение ребёнка в присутствии самих родителей. Отказываясь отстранять от работы лиц, отведённых Чебоксарским горсоветом из состава исполнительного органа церкви, сознательно уклоняется от переоформления образцов подписей в банковских документах на другие лица, а сам распространяет среди верующих в оправдание себя ложные слухи, будто бы органы власти в банке закрыли лицевой счёт церкви и этим притесняют права верующих. Помимо этого, Долгов позволяет также недисциплинированность в отношении соблюдения правил по охране памятника архитектуры и искусства XVII века, находящегося в пользовании верующих. Отказывается выполнять требования Министерства культуры Чувашской АССР. Приведённые факты свидетельствуют, что Долгов оказался в управлении церковью не представителем верующих, а типичным ставленником попов. Вопрос о невозможности дальнейшего его оставления в должности председателя исполнительного органа церкви мною поставлен перед исполкомом Чебоксарского городского Совета, который должен разрешить его в ближайшем будущем»³⁷. Недовольство уполномоченного вызывало и то, что «казначей Фёдорова И.Ф. начала допускать нарушения советского законодательства о культах. Зная хорошо, что по закону религиозные организации не имеют права заниматься другой деятельностью, кроме деятельности, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих, исполнительный орган Чебоксарского собора начал заниматься приобретением от

³⁶ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 92, л. 137—138.

³⁷ Там же, д. 99, л. 23.

населения золотых монет царской чеканки и драгоценных камней. Причём всё это проходило без всякого оформления и записи в соответствующих книгах»³⁸.

Долгов и его сторонники довольно жёстко отстаивали независимость церковных дел от вмешательства исполкома горсовета и уполномоченного. По словам Маклашкина, посетившую «двадцатку» М.Н. Шелевую (занимавшую пост заместителя председателя горсовета) «означенная группа встретила враждебно, с провокационными выпадами против советских органов. Например, бухгалтер церкви Васильева на собрании Шелевой М.Н. заявила: “Мы Вас на это собрание на приглашали, зачем вы пришли? Зачем вмешиваетесь в наши церковные дела”? Отведённая из состава исполнительного органа Фёдоров Ю. начала кричать: “Зачем вы пришли сюда? Мы вам не подчиняемся, потому что церковь отделана от государства”! Член “двадцатки” Белкин В.Е. сторонник Долгова, обращаясь к т. Шелевой М.Н. заявил: “Вам здесь делать нечего, мы сами хозяева здесь и своими делами оправимся без вас”. Долгов прямо заявлял, что Шелевая и уполномоченный Маклашкин “хотят в состав церковного совета подсунуть своего человека Колесникову” (Шелевая и Колесникова когда-то работали в одной организации)»³⁹.

28 февраля 1963 г. исполком Чебоксарского горсовета решил «отвести из состава исполнительного органа церкви Долгова Ф.Я.». В вину ему ставилось то, что он самовольно отстранил от управления собором Филиппову и Колесникову (ставленников исполкома и Маклашкина) и вместо них передал дела по управлению имуществом и финансами церкви И.Ф. Фёдоровой и А.А. Смирновой, причём выплачивал им зарплату, а это, по мнению исполкома, было «благотворительной деятельностью, запрещённой законодательством». В исполкоме не сомневались в том, что «в “двадцатке” создана определённая группировка для противодействия выполнению законов о культах»⁴⁰. Однако представителям горсовета, прибывшим для участия в перевыборах, Долгов заявил, что решение об отводе его из состава исполнительного органа он не признаёт и созывать «двадцатку» не будет. Вторично назначенное собрание также было им сорвано⁴¹.

Тогда уполномоченный обратился за содействием к республиканскому правительству. «Для устранения создавшейся ненормальности, — сообщал он, — считаю необходимым, что Совету министров Чувашской АССР следует предложить исполкому Чебоксарского горсовета обеспечить в ближайшие дни проведение собрания членов двадцатки и избрание нового состава исполнительного органа церкви. До созыва собрания предупредить персонально каждого члена “двадцатки” о недопустимости нарушения законодательства о культах и в случае проявления какого-либо саботажа от участия на собрании исполком горсовета вынужден будет ставить вопрос о расторжении договора на право пользования молитвенным домом и культовым имуществом»⁴².

Однако и верующие не собирались сдаваться. 15 апреля 1963 г. община собора обратилась с жалобой к первому секретарю Чувашского обкома КПСС С.М. Илюкову, убеждая его в своей лояльности и обращая внимание на мо-

³⁸ Там же, д. 102, л. 31.

³⁹ Там же, л. 34.

⁴⁰ Там же, д. 104, л. 44.

⁴¹ Там же, д. 102, л. 35.

⁴² Там же, л. 37.

ральный облик и классовое происхождение своих противников. «Заявляем, — писали прихожане, — что нам крайне обидно, что нас никто не хочет понять. Мы никогда не выступали против собрания и не выступаем против него и сейчас. Когда в феврале прошлого года Горсовет при личном участии в собрании двадцатки зампредседателя Горсовета Шелевой навязала нам в двадцатку и в состав Церковного Совета проштрафившуюся и судимую в прошлом Колесникову, мы тотчас же обратились в Горсовет и к уполномоченному Маклашкину с просьбой разрешить нам собрание для переизбрания Колесниковой. Тогда и Шелевая и Маклашкин и слышать не хотели о новом собрании. И только когда нас поддержали в Москве, в Совете по делам православной церкви, что мы имеем право не допускать к работе сомнительных людей и на этом основании мы не приняли Колесникову... Тогда Шелевая и Маклашкин стали вербовать всяких бродячих пьяниц в состав какой-то новой двадцатки и под прикрытием работников Горсовета — Горбунова и Малиновского решили силой провести на очередном собрании в Церковный Совет Русина и ту же Колесникову. Об этом, не скрывая, заявляет сам Русин и Колесникова. Что из себя представляет Русин М.И. и Колесникова — общеизвестно. Не понятно только одно: как известный всем Чебоксарам потомственный купец-деляга, кулак, сросшийся с прилавком и барышами, а в последнее время злостный клеветник, вымогатель и зловердная язва Чебоксарской общественности, — вдруг оказался в большом почёте у Шелевой и Маклашкина! Не странно ли это? Тогда как председатель Церковного Совета Долгов выходец из бедняцкого крестьянства, участник с оружием в руках в годы Гражданской войны за освобождение нашей Родины от врагов типа Русиных, а затем долголетний организатор колхозного строя, защитник Родины в годы Отечественной войны и во всём остальном честный Советский гражданин и человек, — вдруг оказался на старости лет ошельмованным, оклеветанным таким Русиным и по его шучьему велению ставится Маклашкиным вопрос об отводе Долгова из состава Церковного Совета. Мы убедительнейше просим подумать, на основании каких это законов и статей морального кодекса действуют все те, кому таким нечестным путём хочется убрать Долгова. Мы уверены, что в Советском законодательстве наших дней таких законов не существует. А на явное беззаконие мы сознательные граждане нашей страны пойти не можем»⁴³.

Не дождавшись реакции на это письмо, 18 ноября 1963 г. прихожане собора обратились в ЦК КПСС и лично к первому секретарю Н.С. Хрущёву: «Чебоксарский горсовет самым беззастенчивым образом вмешивается во внутренние дела церкви. Это вмешательство выражается то в отводе из состава членов 20-ки и исполнительного её органа без всякого объяснения причин, то в самовольном включении в состав 20-ки лиц, прямо вопреки желанию самой 20-ки, то в приказании собрать общее собрание 20-ки для переизбрания членов исполнительного органа и т.д. Были случаи, когда на принудительном общем собрании 20-ки члены Горсовета, как, например, быв[ший] зам[еститель] председателя Шелевая сама намечала пожелательных ей лиц. Широко используются угрозы, вплоть до предания суду членов 20-ки, возражающих против вмешательства Горсовета во внутренние дела церкви, и множество других фактов самого грубого администрирования членов Горсовета. Эти нарушения законности происходят при прямой поддержке, если не сказать, по инициа-

⁴³ Там же, л. 40—41. Стилистика, орфография и пунктуация подлинника сохранены.

тиве, местного уполномоченного Маклашкина Я.Г. Всё это вызывает крайнее возбуждение среди верующих и накаляет атмосферу [во] взаимоотношениях массы и представителей гражданской власти города. Дело дошло до того, что 14 июня 1963 г. группа лиц, настроенных работниками Горсовета, не дав закончить богослужение, зашла в храм, чтобы насильственным образом сместить руководство церковной организации. Она тут же, в храме, затеяла ссору с верующими, доходя до грубых оскорблений религиозного чувства верующих. Верующие выгнали незваных гостей из храма. После этого на некоторое время наступило затишье, но в последнее время снова усилился административный нажим со стороны Чебоксарского Горсовета на церковную организацию с открытой угрозой закрытия храма. Атмосфера снова накаляется. Обо всех наиболее резких нарушениях законности со стороны Чебоксарского Горсовета неоднократно сообщалось в обком партии. Двадцатка просила обком партии объективно разобраться её заявление и принять меры к ликвидации ненормальностей в этой области общественной жизни. Но вот проходит уже полгода, а Чебоксарский Обком Партии продолжает хранить мёртвое молчание. Мы считаем, что в настоящее время особенно необходимо поддерживать в стране мир, тишину и спокойствие на основе точного выполнения законности. Если так поступают под видом антирелигиозной пропаганды, то такой метод антирелигиозной работы ничего общего не имеет с учением В.И. Ленина, распоряжениями и разъяснениями Правительства, Партии и периодической печати о ведении антирелигиозной пропаганды на основе научного атеизма, а не путём администрирования, наскоков, насмешек, оскорблений и т.д. Подавая жалобы в Чувашский Обком Партии на незаконные действия Чебоксарского Горсовета, мы надеялись, что Обком разъяснит Горсовету неправильность его действий и укажет путь узаконенной нормализации жизни в этой области. Однако Обком до сих пор ни на одну жалобу не даёт никакого ответа. Просим ЦК партии побудить Чувашский обком партии разобраться все наши жалобы. Мы верим, что его объективный разбор жалоб внес бы умиротворение и помог бы избежать могущих быть никому не нужных эксцессов»⁴⁴. Судя по стилю, это письмо, скорее всего, было составлено или секретарём епархии Сретенским (бывшим учителем), или священником Демьяновичем.

До лета 1964 г. властям так и не удавалось справиться с соборной «двадцаткой» и сместить старосту Долгова. Маклашкину пришлось даже организовать кампанию в местной печати против церковных «мятежников». 14 и 28 июня 1964 г. в газете «Советская Чувашия» вышла статья «За стеной кафедрального собора». В ней рассказывалось, как, «злоупотребляя терпением горисполкома, Долгов самозванно продолжает исполнять должность, от которой отстранён больше года назад. Более того, он незаконно подписал после этого договор на аренду собора. Между тем договор, заключённый отставным “церковным старостой”, не имеет законной силы»⁴⁵. Прихожане ответили на статью очередным письмом в обком, где для его рассмотрения создали комиссию, но она сочла жалобу граждан необоснованной. Вскоре «двадцатка» собора «признала необходимым избрать исполнительный орган и прекратить допускаемые нарушения законодательства о культах»⁴⁶.

⁴⁴ Там же, л. 64—65.

⁴⁵ *Судзалин И.* За стенами кафедрального собора. // Советская Чувашия. 1964. 28 июня. С. 3.

⁴⁶ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 106, л. 51.

Нередко, по указанию уполномоченного, контролирующие органы устраивали проверки в соборе во время богослужения. Верующие жаловались в Министерство финансов РСФСР на нарушение принятого 25 апреля 1961 г. постановления Минфина СССР, прямо запрещавшего проводить ревизию во время церковной службы. «Доводим до вашего сведения, — сообщали они, — что 28 октября сего года Горфинотдел в лице тов. Рассказчикова была произведена не своевременная проверка свечей в церковных ящиках, что вызвало неудовольствие многих верующих. На основании известных нам постановлений проверка во время богослужения запрещается. Просим дать им соответствующее указание о недопущении впредь таких действий». Давление оказывалось и на рядовых сотрудников собора, которых с помощью провокаций и психологического нажима вынуждали уйти с церковной работы⁴⁷. Только благодаря стойкости прихожан, духовенства и епископа Николая, писавших жалобы во все возможные инстанции, собор удалось отстоять. Но, как бы то ни было, при известной сплочённости, используя особенности коммунистической идеологии и советского правоприменения, верующие в 1960-х гг. могли бороться за свои права даже в условиях антирелигиозной кампании. В этом состояло существенное отличие от аналогичных мероприятий 1920—1940-х гг.

Ещё одним инструментом борьбы с Церковью стал единовременный учёт молитвенных зданий и прочего имущества, находившегося в пользовании религиозных объединений. Это позволяло получить полные данные о материальном положении приходов и, в случае обнаружения реальных или мнимых недостатков (аварийность здания, несоблюдение требований безопасности и т.д.), закрывать их под благовидным предлогом⁴⁸.

14 сентября 1961 г. Совет министров Чувашской АССР возложил ответственность за проведение учёта в республике на исполкомы районных и городских советов депутатов. 15 октября на совещании заместителей председателей исполкомов в Чебоксарах уполномоченный разъяснил стоящие перед ними задачи. Тогда же их обеспечили специально разработанными бланками. Тех, кто, непосредственно занимался учётом, Маклашкин инструктировал на местах, где устраивались специальные семинары. Но собранные затем их участниками данные показали, что Церковь в Чувашии продолжает пользоваться влиянием. Из 39 официально зарегистрированных и действовавших храмов наибольшей популярностью пользовались 11, в которых по большим праздникам собиралось до 1,5 тыс. человек⁴⁹. Религиозные объединения располагали множеством всевозможных построек. По различным договорам им было передано 13 жилых домов и 11 сторожек. Кроме этого, с 1945 г., самовольно и по официальному разрешению они построили и приобрели 35 жилых домов (ещё десять оказались незаконно оформленными как собственность отдельных служителей культа) и свыше 60 подсобных помещений. Помимо священников, в церквях Чувашской АССР трудилось 866 человек (611 из них получали заработную плату). Учёт выявил в республике 44 недействующих церковных здания, закрытых, в основном, ещё до 1941 г. С тех пор они использовались под всевозможные

⁴⁷ Берман. А.Г. Мелочи приходской жизни... С. 16—17, 20.

⁴⁸ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 91.

⁴⁹ К их числу относились Раскильдинская (Аликовский район), Хормалинская (Ибресинский район), Ново-Тинчурунская (Яльчикский район), Гришинская (Янтиковский район), Атратьская и Алтышевская (Алатырский район), Мало-Чурашевская (Ядринский район), Акулевская (Чебоксарский район) церкви и три городских храма в Алатыре, Канаше и Чебоксарах.

хозяйственные и культурные нужды. Пять из них, по мнению Маклашкина, подлежали сносу по ветхости⁵⁰.

Наступление на «церковников» сопровождалось массовой идеологической компанией: для населения были организованы 84 лекции на атеистическую тематику, всего их посетило более 400 слушателей⁵¹. Увеличилось количество антирелигиозных публикаций. Если в 1957 г. их вышло 12, то в 1962 г. — 49. В среднем в 1958—1964 гг. ежегодно печаталось около 30 книг, журнальных и газетных статей, разоблачавших религию и Церковь (не считая районной прессы)⁵². Наиболее резкую реакцию верующих вызвала статья Н. Черепановой «В тенетах церкви», посвящённая тому, как «церковники» завлекают девушек в свои сети, и особенно в монастыри. При этом с явным недоброжелательством упоминались владыка Мануил (Лемешевский) и авторитетный соборный священник Григорий Медведев и заявлялось: «Недавняя проверка финансовыми органами показала, что в Введенском соборе буквально обирают верующих. Там свечи и просвиры продаются в несколько раз дороже, чем они обходятся самой церкви. Так выглядит на деле проповедь бескорыстия: не такие уж бесребреники те, кто проповедует бескорыстие. Да и в монастырях собираются люди, отнюдь не рассчитывающие жить трудами праведными. Наоборот, их расчёт на доброхотные приношения»⁵³.

Хамский тон публикации возмутил православных читателей⁵⁴. Свой гнев некоторые из них выразили в письме «дорогой редакции “Сов[етской] Чувашки”»: «Вы на родной газете напечатали статью сумасшедшего человека Н. Черепановой “В тенетах церкви”. Народ просит эту статью передать ей. Теперь от антихриста Н. Черепановой!!! Многотысячный народ хочет посмотреть твоё лицо. Просим через газету показать твоё лицо. Ваша статья нам верующим не новость. Так и должно быть. Если бы в данное время не было бы такой статьи, то писание стало бы не правильным. Эта статья укрепляет веру христову. Черепанова! Разве ты не знаешь... человечество совершит всё... Ты не успеешь одежду свою износить, а будешь свои волосы выдергивать со страхом. Много не будем писать, но через 1(2) года будешь помнить, но поздно будет. Мы хотя пенсионеры... Но тебя назовём безумным антихристом. Как ты могла смелость набрать Черепанова? Монастырь — это не кино, не театр... Тебя проклинают не только старые люди... а все и ангелы. Ты помни через год умрёшь. Много не пишем. Ты и так-то умерла, у тебя нет чувства и совести»⁵⁵. Весьма своеобразная стилистика послания объяснялась тем, что для его авторов родным языком был чувашский.

Епископ Николай всячески старался смягчить последствия антирелигиозной кампании. Несмотря на запрет, владыка по возможности оказывал помощь экономически слабым приходам. Так, в 1960 г. он выделил церкви с. Богатырёво (Цивильского района) на ремонт и украшение интерьера наличные деньги и стройматериалы на 24 тыс. руб. Формально не имея права распоряжаться

⁵⁰ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 97, л. 73—77.

⁵¹ Там же, д. 87, л. 85.

⁵² Летопись печати. Орган государственной библиографии Чувашской АССР. Печет летописё. Чăваш АССР государствă библиографийĕн органĕ. Вып. 1—4. Чебоксары, 1957; то же. 1958; то же. 1959; то же. 1960; то же. 1961; то же. 1962; то же. 1963; то же. 1964.

⁵³ Черепанова Н. В тенетах церкви // Советская Чувашия. 1961. 25 ноября. С. 2.

⁵⁴ Подробнее см.: Берман А.Г. Мелочи приходской жизни... С. 20.

⁵⁵ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 58, л. 163.

средствами общины, архиерей в 1960 г. предложил исполнительному органу церкви с. Анаткиняры (Сундырского района) выдать настоятелю 15 тыс. руб. на уплату налогов⁵⁶.

В октябре 1964 г. Н.С. Хрущёв был смещён с поста первого секретаря ЦК КПСС и освобождён от должности главы советского правительства. И практически сразу началось постепенное сворачивание антирелигиозной кампании. Уже 16 ноября Маклашкин представил в Совет по делам РПЦ секретное письмо «О работе по ликвидации административных перегибов в отношении верующих и религиозных объединений, допускаемых местными органами власти». Правда, самих «перегибов» чувашский уполномоченный упорно не замечал. По его мнению, жалобы верующих по большей части «являются необоснованными и носят явно надуманный, а иногда и клеветнический характер на органы власти». Однако теперь уже было затруднительно отрицать наличие «таких вопросов, когда отдельные члены исполнительных органов религиозных организаций без достаточных на то оснований исполкомами райгорсоветов отводились из составов исполнительного органа или ревизионной комиссии». Между тем именно этим сам уполномоченный занимался на протяжении всей своей деятельности. Районные руководители с недоумением отнеслись к изменению курса. Так, заместитель секретаря парткома Урмарского района по идеологии П.К. Сидоров, выслушав на совещании выступление Маклашкина об устранении «перегибов», констатировал: «Если мы будем придерживаться тех положений, которые были нам изложены здесь товарищем уполномоченным совета, то до самого 2000-го года нам не удастся закрыть в районе ни одной церкви». О подобном «непартийном толковании тов. Скворцовым П.К. советского законодательства о культах» Маклашкин сразу же доложил в обком, но в конце своего письма в Совет по делам РПЦ он счёл нужным «отметить, что отдельные районные работники политику, направленную на ликвидацию административных перегибов, допускаемых в отношении верующих и религиозных организаций, склонны расценивать как политику уступки церковникам»⁵⁷.

8 декабря 1965 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов были слиты в единый орган — Совет по делам религий при Совете министров СССР. Поскольку Маклашкин являлся уполномоченным обоих советов, ему эта реорганизация, казалось бы, ничем не грозила, более того — вместо двух информационных отчётов теперь следовало писать лишь один. Однако владыка Николай, по-видимому, почувствовал изменение конфессиональной политики и ещё в 1965 г. направил в разные инстанции несколько жалоб на действия уполномоченного. В частности, он сообщал про конфликт вокруг церкви в с. Хормалы (Ибресинского района), где председатель райисполкома Миронов с согласия Маклашкина решил во что бы то ни стало изгнать с прихода священника. Дело тянулось два года, и уполномоченный решил отыгаться на прихожанах, затягивая регистрацию вновь избранного церковного совета. Миронов неоднократно заявлял обращающимся к нему прихожанам: «После того, как уволите вашего священника Григорьева, буду утверждать состав исполнительного органа». На практике райисполком отказывал в регистрации без санкции уполномоченного, а тот отправлял ходяков обратно к Миронову, называя при этом просителей «оскорбительными эпитетами». Представителям «двадцатки»

⁵⁶ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 42—43.

⁵⁷ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 106, л. 46—53.

пришлось семь раз курсировать между Хормалами, Ибресями и Чебоксарами без какого-либо результата. У владыки Николая сложилось впечатление, что «всё это делается для того, чтобы взять людей, как говорится, измором, довести их до такого состояния, что они в отчаянии отойдут от церковной организации и она распадётся». Однако, отмечал епископ, «если такими действиями пользуются как методом антирелигиозной пропаганды, то достаточно сказать, что такой метод — преступный метод, и ни в какой мере не вяжется с установками ленинизма, советского правительства и партии». Вместе с тем на обращения архиерея Маклашкин не реагировал, а секретаря епархии, попытавшегося прояснить ситуацию, назвал «подстрекателем», предупредив, что «никакого ответа не будет». А ведь данным делом местные проблемы не ограничивались. По словам преосвященного Николая, «можно было бы привести множество других... фактов вмешательства во внутренние дела церковной жизни»⁵⁸.

На этот раз Маклашкину пришлось оправдываться и перед республиканскими властями, и перед московским Советом. Он старался переложить ответственность на исполком и враждебно настроенного епископа⁵⁹. Но руководство Совета по делам религий, судя по всему, убедилось в том, что в изменившихся условиях Маклашкин уже не сможет наладить работу с религиозными структурами и деятелями. 1 февраля 1966 г. его освободили от должности в связи с уходом на пенсию⁶⁰.

Если говорить о результатах антицерковной кампании, проведённой в Чувашии под руководством Маклашкина, то они не выглядят впечатляющими. Если в 1953 г. в составе Чебоксарско-Чувашской епархии действовал 41 приход⁶¹, то в начале 1966 г. их было 37⁶². Затем до середины 1980-х гг. в епархии неизменно оставалось 36 общин. Численность духовенства в 1953—1965 гг.⁶³ сократилось с 67 до 46 человек⁶⁴.

Не увенчалась успехом и борьба за снижение церковных доходов. Как признавал сам уполномоченный, за восемь месяцев 1961 г. по сравнению с соответствующим периодом 1960 г. суммы в Алатырском районе увеличились: у церкви с. Атрать — на 600 руб. (в новых деньгах), у церкви с. Иваново-Ленино — на 1,2 тыс. руб., у Миренковской — на 300 руб. В Чебоксарском районе так же наблюдался их рост: у Акулевской церкви — на 5,2 тыс. руб., у Альгешевской — на 800 руб. и лишь у Янгильдинской поступления оказались меньше на 400 руб.⁶⁵ В 1965 г. уполномоченный вновь сетовал на продолжающееся обогащение церквей, особенно в городах. Так, денежные средства Введенского собора за год выросли на 10,3 тыс. руб., канашской церкви — на 9,1 тыс. руб., алатырской — на 7,3 тыс. руб.⁶⁶

Не удалось достичь и резкого ослабления религиозности населения, и его отчуждения от совершения обрядов, связанных с жизненными циклами человека (крещение, венчание, отпевание). В 1960 г. было крещено 59,2% от обще-

⁵⁸ Там же, оп. 4, д. 4, л. 60—63.

⁵⁹ Там же, л. 51—57.

⁶⁰ Там же, ф. 203, оп. 21, д. 1067, л. 4

⁶¹ Там же, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 2.

⁶² Там же, д. 87, л. 9.

⁶³ Там же, д. 66, л. 3.

⁶⁴ Там же, д. 112, л. 2.

⁶⁵ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 50—51.

⁶⁶ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 33.

го числа родившихся, в 1965 г. — 50,6%; в 1960 г. венчалось 16,6% вступивших в брак, в 1965 г. — 11,5%; отпевать же за эти годы стали даже чаще — 49,8% и 60,8% умерших⁶⁷. Однако эти данные не могут считаться полными, поскольку часто церковные обряды совершались нелегально и не документировались. Кроме того, в Чувашской АССР проживало немало мусульман.

Тем не менее, нельзя сказать, что антицерковная кампания вовсе не имела эффекта и не причиняла вреда. Давление на прихожан, создание атмосферы гонений и нетерпимости приводили к сокращению публичных проявлений церковности. Например, был полностью прекращён звон в 35 церквях, только четырёх приходам удалось отстоять колокола⁶⁸. Уменьшилось количество зарегистрированных церковных обрядов. В проверенных уполномоченным 15 религиозных объединениях данные об обрядах, совершённых за восемь месяцев 1961 г., по сравнению с соответствующим периодом 1960 г., свидетельствовали, что случаев крещения детей стало меньше на 17,3% (8 248 в 1960 г. и 6 791 в 1961 г.), венчаний — на 27,4% (560 в 1960 г. и 407 в 1961 г.), отпеваний — на 20,6% (1 607 в 1960 г. и 1 277 в 1961 г.)⁶⁹. Общее количество зарегистрированных крещений за 6 лет (с 1960 г.) сократилось на 35,5%, венчаний — на 45,2%, отпеваний за 7 лет — на 6,6%⁷⁰.

В целом, хрущёвская антицерковная кампания показала бесперспективность «волюнтаристского» подхода к борьбе с религией. В конечном счёте, наличие церковных организаций определялось потребностями населения, но никак не «происками попов», и с этими потребностями власти приходилось считаться. Интенсивность «мероприятий» по борьбе с религией в Чувашии во многом определялась местным уполномоченным Совета по делам РПЦ и сильно зависела от его общей культуры и административного уровня. Смена политического руководства страны привела к стабилизации государственно-церковных отношений на два десятилетия.

⁶⁷ Там же, л. 23—24.

⁶⁸ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 87, л. 83.

⁶⁹ ГАСИ ЧР, ф. 1, оп. 28, д. 9, л. 48—49.

⁷⁰ ГИА ЧР, ф. 1857, оп. 1, д. 112, л. 24.